

ЖИЗНЬ УСАДЬБЫ

«НА ВСЕ СВОЙ ХОД, НА ВСЕ СВОИ ЗАКОНЫ...»

Тамара Перевезенцева

Мураново вошло в жизнь Боратынского как «вторая» его родина. Но путь к ней не был простым и однозначным. Впервые поэт попал сюда летом 1826 года. К сожалению, документальных подтверждений этому факту пока нет. Однако имеется ряд косвенных доказательств. Известно, например, что в пору его сватовства и женитьбы на Анастасии Львовне Энгельгардт, а это как раз падало на весну-лето указанного года, поэт в буквальном смысле слова «выпал» из поля зрения своих московских и петербургских друзей и знакомых. Не случайно, первый и закадычный его друг Антон Дельвиг жаловался Пушкину в Михайловское: «...Боратынский другим образом плох, женился и замолчал. Вообрази, даже не уведомляет о своей свадьбе <...>». Сам поэт в одном из писем к полковому товарищу А. Муханову, с которым служил в Финляндии, выражал искреннее сожаление о том, что мало виделся с ним летом, что «был в первых попытках женитьбы и принадлежал обязанностям, может, более приятным, нежели обязанности службы, но столько же определенным». Одной из таких «приятных обязанностей» вполне могло быть небольшое свадебное путешествие новобрачных в подмосковную, где Энгельгардты обычно проводили летнее время.

Наконец, имеется и более конкретное свидетельство самого поэта. В последних строках его стихотворения «Есть милая страна...», посвященного, как известно, Муранову — «Зачем же томный вздох и слезы на глазах? / Она, с болезненным румянцем на щеках, / Она, которой нет, мелькнула предо мною», — речь, безусловно, идет об умершей от чахотки в декабре 1826 года Н.Л. Энгельгардт. Ее образ, обозначенный легким, полупрозрачным штрихом, вплетен в картину летней усадьбы, из чего вытекает

Е.А. Боратынский. Бюст с посмертной маски. 1844

предположение, что первая встреча поэта с Мурановым, действительно, произошла летом в год его женитьбы.

Осенью новобрачные поселились в Москве. В это время Боратынский входил в пик своей поэтической славы. Он посещает знаменитые салоны Зинаиды Волконской и Елагиных-Киреевских у Красных ворот, бывает на литературных вечерах и обедах, встречается с широким кругом поэтов и писателей. Среди них были Пушкин, Вяземский, Соболевский, Н. и К. Полевые, Погодин, Мицкевич. Поэт

работает над новыми произведениями, хлопочет по поводу публикации своего первого сборника стихотворений (изд. в 1827 г.), размышляет о поэзии и литературе, занимается критическим разбором писательских новинок.

Отголоски московской жизни и важных для поэта литературных интересов слышатся в единичных письмах Боратынского из Муранова. В одном из них, написанном именно здесь и адресованном П.А. Вяземскому, Боратынский с увлечением рассуждает о неуместности иронии в лирической поэзии и о «пользе» «некоторых недостатков во всяком авторе». При этом каких-либо конкретных сведений о жизни в Муранове указанное письмо или какие-либо другие документы 1828–1829 годов не содержат. Видимо, «родное гнездо» Энгельгардтов не осознавалось еще Боратынским как нечто значимое в его жизни.

Свои сокровенные мысли о тихом семейном счастье, как и в юные годы, Боратынский связывал с отчим краем — усадьбой Мара Тамбовской губернии, где он жил в 1827 году вместе с женой и первенцем — дочерью Александрой. В стихотворении «Стансы», созданном тогда под впечатлением от встречи со своей «начальной любовью», поэт писал:

Я твой, родимая дуброва!
Но от насильственных судьбин
Молить хранительного крова
К тебе пришел я не один.
Привел под сень твою святую
Я соучастницу в мольбах:
Мою супругу молодую
С младенцем тихим на руках.

И далее, словно заклиная судьбу:

Пускай, пускай в глуши смиренной,
С ней, милой, быт мой утая,
Других урочищей вселенной
Не буду помнить бытия.

Но увы! Судьба, с которой у поэта всегда были свои особые счеты, перепугала его карты и на сей раз. Ему предстояло пережить одно из самых горьких разочарований, когда «после тридцати лет нежности и любви», он нашел только «холод в отношениях с теми, кого любил». Глубокая трещина, появившаяся в родственных отношениях, невольно видоизменила в сознании поэта образ любимой Мары.

Семейные разлады в Маре усугубили наступивший в 1830-е годы глубокий душевный кризис поэта. В эту тяжелую пору Боратынский нашел полную поддержку и сочувствие в семье Энгельгардтов. В ней обрел он свое настоящее семейство и ту способность привязанности, в которой одной только, говоря его же словами, видел «чистый, богатый источник всего прекрасного». Тесть Боратынского, Лев Николаевич Энгельгардт, любил его как родного сына, доверяя ему во всем, вплоть до дел, касающихся собственности семьи. Свояченица Софья Львовна, младшая сестра жены Анастасии Львовны, стала близким другом поэта, адресатом нескольких стихотворных его посланий. В 1834 году именно ей Боратынский доверил закончить корректуру своего второго сборника стихов (изд. в 1835 г.). Все более глубокими, иногда до пронзительности трогательными, становились чувства поэта к жене Анастасии Львовне. Она была для него и другом, и врачом душевных ран. Всякая разлука с «Настинькой», даже самая малая, переживалась Боратынским как «истинное наказание». Уехав однажды из Муранова в Москву без жены, он тотчас же писал ей: «Я чувствую себя совершенно потерянным. Увидел в нашей спальне твою шляпку и несколько платьев и у меня так тоскливо жалось сердце, что я испугался». А около 9 июня 1836 года Боратынский писал в Мураново Настасье Львовне: «...обнимаю тебя также нежно, мой ангел, как и в первый день женитьбы. Впрочем, вздор: я тебя люблю теперь несравненно больше, но невоз-

можно это изъяснить. Знаешь ли, десять лет со дня свадьбы — это событие торжественное! Это договор, который я продлеваю еще на десять лет. <...> Несмотря на прекрасное настроение, я немного грустен оттого, что тебя нет рядом со мною. Храни тебя Господь <...>».

Поэт посвятил Анастасии Львовне несколько прекрасных стихотворений. Одно из них, написанное им незадолго до смерти, наполнено чувством неизбывной любви и благодарности к близкому человеку:

Когда, дитя и страсти и сомненья,
Поэт взглянул глубоко на тебя,
Решилась ты делить его волненья
В нем таинство печали полюбя,
Ты смелая и кроткая, со мною
В мой дикий ад сошла рука с рукою:
Рай зрела в нем чудесная любовь.
О, сколько раз к тебе, святой и нежной,
Я принимал главой своей мятежной,
С тобой себе и небу веря вновь.

Через любовь и доброту человеческих отношений в судьбу Боратынского постепенно и навсегда входило Мураново. «Скажу тебе вкратце, что мы пьем чай, обедаем, ужинаем часом раньше, нежели в Москве. Вот тебе рама нашего существования. Вставь в нее прогулки, верховую езду, разговоры; вставь в нее то, чему нет имени: это общее чувство, это итог всех наших впечатлений, который заставляет проснуться весело, гулять весело, эту благодать семейного счастья, и ты получишь довольно верное понятие о моем бытье <...>», — писал он из Муранова Ивану Киреевскому летом 1831 года.

Пожалуй, ни до, ни после, не считая, может быть, отдельных зарубежных впечатлений Боратынского 1843–1844 годов, в его письмах не встретишь такой безмятежно-радостной интонации. Это особое ощущение гармонии «легло на сердце» поэта, воплотившись в уже упомянутой поэтической пьесе «Есть милая страна...». Мураново предстает здесь в виде некой заветной страны, куда человек стремится, чтобы найти свое последнее пристанище и вечный покой.

Однако этот «счастливый дом» существовал в сфере поэтических образов и эмоциональных переживаний Боратынского. В действительности Мураново принадлежало душевнобольному брату Анастасии Львовны — поручику Рязжского полка Петру Львовичу Энгельгардту. Собственного же дома у Боратынских ввиду материальных затруднений долгое время не было. Семья поэта кочевала из Москвы в Мару, затем в Мураново, Казань, Каймары и далее обратно — названия мест можно перечислять в любом порядке.

В 1833 году поэт построил «на всякий случай» дом в Маре. Но жить здесь постоянно он не планировал, мечтая обосноваться поближе к Москве. В начале 1835 года Л.Н. Энгельгардт купил для своей семьи и семьи замужней дочери двухэтажный особняк в «Арбатской части» первопрестольной, записав его на имя зятя. Близость к Муранову позволила теперь Боратынским почти регулярно проводить летнее время в подмосковной.

Через год в связи со смертью Л.Н. Энгельгардта и недееспособностью Петра Львовича Боратынский вынужден был взять в свои руки управление Мурановом. К этому времени за его плечами стоял уже более чем десятилетний опыт ведения хозяйством в своих и энгельгардтовских имениях в Тамбовской, Казанской и Владимирской губерниях. «Сумеречный» поэт, он был в «миру» человеком долга и высокой нравственной чистоты. Беспокоясь за судьбу растущей семьи, он пытался предотвратить разорение семейных имений, что сплошь и рядом происходило тогда в России. Боратынский вводил оброк, думал, как предотвратить неурожай, моры, пожары. Практическая деятельность вплотную приближала поэта к «живой жизни», сводила с разными людьми, ставила в разные ситуации. Боратынский знал «крестьянский вопрос» не понаслышке. И как ни тяжела была порой хозяйственная работа для «сына фантазии», именно здесь происходило его мужественное сопротивление обстоятельствам и собственной «хандре», исподволь шло превращение философствующего поэта в истинного поэта-философа.

Может быть, зрелость философской мысли поэта вполне проявилась в его стихотворении «Осень» (1837). Созданные здесь картины природы и сельского труда, вплетенные в общую систему универсальных идей и образов, могли быть отчасти навеяны реальными впечатлениями жизни поэта в Муранове:

И вот сентябрь! Замедля свой восход,
Сияньем хладным солнце блещет,
И луч его в зеркале зыбком вод
Неверным золотом трепещет.
Седая мгла виется вокруг холмов;
Росой затоплена равнина;
Желтеет сень кудрявая дубов,
И красен круглый лист осины;
Умолкли птиц живые голоса,
Безмолвен лес, беззвучны небеса.

С лета 1841 года Боратынский вплотную начинает заниматься хозяйством подмосковной, приступив к осуществлению так на-

зываемой «мурановской операции». Она заключалась в своде и торговле лесом на основе нововведения, завезенного из Финляндии, — распиловке бревен на доски, что значительно повышало стоимость товара. Проект предполагал строительство пильной мельницы, что требовало постоянного присутствия хозяина. В связи с этим семья поэта впервые остается на зиму в деревне и живет в арендованном доме соседней усадьбы Пальчиковых в Артемове. Зимой строительство мельницы, для которой поэт выписал сто английских пил, шло полным ходом. Наладив новое дело и доверив его «надежному человеку» — бывшему губернатору, учителю немецкого языка Бекеру, Боратынский собирается вместе с семьей по первому летнему пути перебраться в Петербург. При этом он планирует не выпускать из виду «мурановской операции» и «один раз зимой и один раз летом непременно ездить в Мураново».

Однако месяца через два Боратынские «после минуты нерешимости положили остаться на месте». Не последнюю роль в принятии такого решения, видимо, сыграл тот факт, что жизнь в деревне обходилась намного дешевле, чем в городе, московский дом можно было, как прежде, сдавать в наем, но главное — дети и родители были рядом, а уроки с гувернантками, более просвещенными, чем иные помещики, шли своим чередом.

Приняв окончательное решение, Боратынский приступил к строительству нового дома в Муранове по собственному проекту. Дом «подымался» быстро и уже в первой половине августа стоял «под крышей» и был оштукатурен внутри — как это делалось в Тамбовской губернии.

Архитектура мурановского дома, состоящего из трех основных объемов, — главной двухэтажной части с нижней кирпичной кладкой, более низкой пристройки, рубленой из бревен, и башни, замыкающей всю композицию, асимметричную по характеру, — отличается предельной лаконичностью форм и строгими очертаниями. Однако по мере обхода южного фасада с его эркерами и террасой, застекленным зимним садом и острым шпилем башни, на которой реял когда-то трехцветный флажок, дом постепенно поворачивается своей приветливо-гостеприимной стороной.

Оригинально было и его внутренне устройство. Предметом особой заботы служили уютность и комфортность жилища. Организуя внутреннее пространство в целом, Боратынский совместил классический анфиладный принцип с новым подхо-

«Кабинет двух поэтов». Письменный стол Е.А. Боратынского

дом в строительной практике — свободным расположением комнат. Каждая из них предполагает изолированность от соседних и при необходимости может служить местом уединения. Одновременно и жилые, и парадные комнаты сходятся в Большой гостиной, где семья поэта собиралась по вечерам.

В свою очередь Большая гостиная через высокие двери-окна эркером выходит с одной стороны в цветущий партер, который переходит в луг и дальние холмы, с другой — в старый тенистый парк и далее — в густой заросший лес. Так главная комната как бы распаивает дом на все четыре стороны, включая его во внешний мир, в окружающую природу.

В архитектурном облике мурановского дома угадывается обращение к разным культурным традициям, вплоть до русской народной архитектуры. Но главное заключается не в этом. Дом поэта, архитектурное «детище» — это хотя и опосредованное, но до-

вольно отчетливое отражение строя его мыслей, чувств и представлений.

Действительно, издавна в глубинах сознания поэта, чье детство прошло среди любящих людей под сенью отцовского крова, жили сакральные представления о «доме». Для него это и надежный семейный очаг, и пристань, укрывающая от житейских бурь, и крепость, защищающая от всего чужого и враждебного. Словом, это гораздо больше, чем просто жилище. Не случайно, в одном из своих очередных писем к П.А. Вяземскому, Боратынский мягко попрекал ему: «Будьте по крайней мере мыслью в Москве. Проживать можно, где хочешь и где судьбе угодно, но жить надобно дома».

Семья поэта въехала в новый дом поздней осенью 1842 года, и, как следовало ожидать, вместе с ней здесь поселились «девы вдохновения» — музы. «Наше уединение очень полезно детским урокам. <...> Саша сделала большие успехи в рисовании и обещает настоящий талант. <...> Музыка тоже

идет успешно», — сообщал Боратынский матери зимой 1842 года. Годом раньше, вероятно всего, весной 1841 года старший сын поэта Лев сочинил в Муранове свой первый «литературный этюд», к сожалению, не сохранившийся. Счастливым отец откликнулся на это маленькое семейное событие стихотворным посланием к юному поэту:

Здравствуй, отрок сладкогласной!
Твой рассвет зарей прекрасной
Озаряет Аполлон!
Честь возникшему пииту!
Малолетнюю хариту
Ранней лирой тронул он.
С утра дней счастлив и славен,
Кто тебе, мой мальчик, равен?
Только жавронок живой,
Чуткой грудью своею,
С первым солнцем, полный всею
Наступающей весной!

Однако за этим внешним радостным содержанием послания скрывалось иное понимание Боратынским самого факта поэтического «крещения» сына. Не случайно он помещает стихотворение «Здравствуй, отрок сладкогласной!..» в своей «книге книг» — «Сумерки», пронизанной глубинными размышлениями о Поэте, его Судьбе и его Назначении.

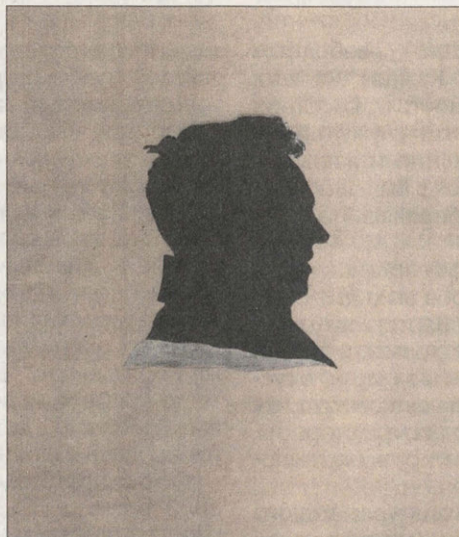
Сборник «Сумерки», который поэт готовил к изданию, вышел в свет в мае 1842 года, когда Боратынский приступил к строительству нового дома. Литературная общественность Москвы и Петербурга, по существу, умолчала литературную новинку, а в прессе появилось лишь несколько не всегда доброжелательных отзывов о книге и ее авторе. В такой ситуации жизнь в Муранове, строительные заботы и хозяйственные хлоп-

ты явились хотя и тонким, но защитным слоем для души поэта, давая ему новые силы и новые надежды. «Этой осенью, — писал Боратынский летом 1842 года, — я испытаю наслаждение, прежде неизвестное — буду сажать деревья. У нас есть хороший старик-садовник, любящий свое дело, и я рассчитываю на его советы». По случаю посадки молодых деревьев в Муранове Боратынский написал поэтический шедевр «На посев леса», раскрывающий внутренние переживания поэта:

Опять весна; опять смеется лут,
И весел лес своей молодой одеждой,
И поселян неутомимый плуг
Браздит поля с покорством и надеждой.
Но нет уже весны в душе моей,
Но нет уже в душе моей надежды,
Уж дольний мир уходит от очей,
Пред вечным днем я раскрываю вежды.

Летел душой я к новым племенам,
Любил, ласкал их пустоцветный колос,
Я дни извел, стучась к людским сердцам,
Всех чувств благих я подавал им голос.
Ответа нет! Отвергнул струны я,
Да хрящ другой не будет плодороден!
И вот ему несет рука моя
Зародыши елей, дубов и сосен.
И пусть! Простяся с лирою моей,
Я верую: ее заменят эти,
Поэзии таинственных скорбей
Могучие и сумрачные дети.

На автографе стихотворения Боратынский оставил рисунок с хаотически разбросанными сферическими линиями, создающими образ некоего пространства, в центре которого автопортрет поэта. У него отрешенное, как бы потустороннее лицо человека, готового шагнуть в Вечность.

Неизвестный художник
Портрет Е.А. Боратынского. 1830-е гг.
Силуэт